

**Стихотворение С. Кирсанова «Мэри-наездница» (1925):
имя, заумь и сюжет**

И. Е. Лоцилов

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена анализу знаменитого стихотворения Семена Исааковича Кирсанова (1906–1972) «Мэри-наездница» (1925). Стихотворение, написанное в середине советских 1920-х годов, точно выражает дух первого революционного десятилетия. Эпоха решительно взяла курс на сближение с искусством кино и с цирком. Древнее искусство цирка близко первозаданным основам бытия. В нем всегда ощущались веселье, дух авантюры и реальная физическая опасность.

Статья состоит из четырех разделов.

Первый раздел посвящен описанию источников текста стихотворения. Приведены в систему сведения о четырех подготовленных автором редакциях. Первые две были изданы в 1920-е годы, третья и четвертая – лишь в 1960–1970-х годах, после катастрофических событий середины XX столетия. Собраны сведения об архивных материалах, связанных с творческой историей стихотворения. Воссоздана история двух записей авторского чтения стихотворения (они были сделаны С. И. Бернштейном и Л. А. Шилковым).

Во втором разделе помещен обзор откликов, принадлежавших первому поколению читателей и слушателей стихотворения. Кирсанов был знаме-

Лоцилов И. Е. Стихотворение С. Кирсанова «Мэри-наездница» (1925): имя, заумь и сюжет // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 165–198.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 2
© И. Е. Лоцилов, 2017

нит не только как поэт, но и как блестящий исполнитель своих стихов. Обзор показывает отторжение футуристического эксперимента официальными и далекими от власти и официоза критиками. Показаны и те случаи, когда критики и слушатели высказывали одобрение эксцентрической поэтике Кирсанова.

Третий раздел посвящен связи имени героини и сюжета стихотворения: оно рассказывает о гибели наездницы во время исполнения номера цирковой программы. В истории русской поэзии имя Мэри ассоциируется с двумя случаями его употребления в поэзии А. С. Пушкина. В XX столетии в поэзии и драматургии А. А. Блока с именем Мери связались новые смыслы и значения. После публикации стихов Блока, связанных с героиней по имени Мери, заданный им мотивный комплекс неоднократно воспроизводился у поэтов-эпигонов. Имя Мери и образ цирковой арены сближались и до стихотворения Кирсанова (в поэзии А. А. Венедиктова и А. Э. Беленсона). Но лишь Кирсанову удалось связать с этим образом остро динамический и трагический сюжет, воплощенный в эстетике футуризма и литературной группы ЛЕФ.

В четвертом разделе подробно описаны композиция стихотворения и принципы соотношения между повествовательной и звукоподражательной (заумной) частями текста. Звукоподражание эффектно имитирует звуки циркового оркестра. Показано, как последовательно сюжет разрушает баланс между повествовательной и звукоподражательной частями, и как он восстанавливается в финале стихотворения.

Ключевые слова: Блок, заумь, Кирсанов, ЛЕФ, палиндром, поэзия, Пушкин, футуризм, цирк, эксцентрика.

УДК 82-14

Контактная информация: Лоцилов Игорь Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630124, Россия, loshch@yandex.ru)

В 2006 году после небольшой плановой операции Юрий Николаевич подарил мне листок с автографом стихотворения, сложенного им в больничной палате. С любезного разрешения Элеоноры Илларионовны Худосиной привожу текст этого стихотворения (Юрий Николаевич крайне редко говорил о своих стихах, даже игровых и шуточных) и копию автографа (рис. 1).

ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

Я болен или снится,
Положен в корпус Е.
Пристойная больница
В манере Корбюзье.

Спиралью длинной вьются
Там этажи палат;
Та – расписное блюдце,
А эта – каземат.

Титаны * великана
Кромсают на куски,
И ты сплошная рана,
И вокруг тебя ни зги.

В пространствах сна и Сена
Останется без е,
Как Цна, как эта сцена
Во вкусе Корбюзье.

* Из титана сделан кардио-
стимулятор.

4 февраля 2006

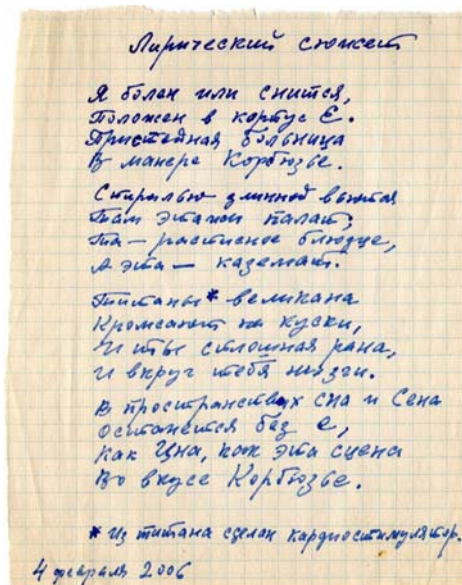

Рис. 1. Ю. Н. Чумаков. Лирический сюжет. Автограф. Новосибирск, 4 февраля 2006 г.

По цепочке ассоциаций мне вспомнились тогда не только стихи Мандельштама («Видел Цны – реки обычной – / Белый, белый, бел-покров...»), но и поздняя «Больничная тетрадь» Семена Кирсанова...

Только сейчас, по прошествии времени, приходит осознание – как много дал Юрий Николаевич Чумаков (кроме прочего) для понимания самого духа советских 1920-х годов. Это и живая детская память о саратовском быте времен НЭПа – то, что более передавалось в интонации, чем в словах; и разговоры об общем духе опасности и умного веселья, который он чувствует и в «Столбцах» Заболоцкого, и в маленькой книжке Тынянова «Проблема стихотворного языка». Было понятно, что по большому счету его занимали и другие поэты, и другие эпохи, но он с видимым удовольствием вспоминал и показывал, например, звонкие строчки из «Баллады о барабанщике» Сельвинского...

Ниже будут представлены соображения о раннем стихотворении Кирсанова, рожденном в эпицентре первого советского десятилетия.

Стихотворение Семена Кирсанова (1906–1972) «Мэри-наездница» (далее – МН), написанное в 1925 году, еще в 1920–1930-е годы стало своего

рода «визитной карточкой» поэта. Его популярность была преимущественно устной: благодаря мастерскому исполнению автора оно стало «коронным номером» Кирсанова-чтеца: «С “Боем быков” и “Мэри-наездницей” я как-то выступал в одесском цирке. Признаюсь, я испытал тщеславное чувство победителя, когда на мою долю выпали аплодисменты не менее шумные, чем на долю укротительницы львов» [Кирсанов, 1966а, с. 12].

**К описанию источников текста:
публикации, архивные материалы, фонозаписи**

При жизни автора стихотворение было опубликовано трижды (впервые – с подзаголовком «Отрывок из поэмы»), и все три версии существенно различаются между собой; еще одна редакция вышла в свет посмертно: в собрании сочинений, которое было подготовлено самим Кирсановым [Гаспаров, 2006, с. 7]. Все четыре редакции сохраняют общие контуры сюжета и поэтики стихотворения, несмотря на существенную разницу в объеме: МН_I [Кирсанов, 1925] – 71 строка; МН_{II} [Кирсанов, 1927, с. 108–111] – 83 строки; МН_{III} [Кирсанов, 1967, с. 17–18] – 65 строк; МН_{IV} [Кирсанов, 1976, с. 11–13] – 63 строки.

Различия в первую очередь связаны с сокращением участков текста, содержащих элементы фонетической заумы. В середине 1960-х годов поэт называл их «рефреном»: «Как ни странно, эти стихи с рефреном “Зумбай-квиль-миль-толь-миль-надзе” были напечатаны А. Воронским в сборнике “Красной нови” в 1925 году. Человек, гораздо более близкий к традиционной литературной тенденции, чем к эксцентризму, он, видимо, заметил нечто перспективное и обещающее в моих первых опытах» [Кирсанов, 1966а, с. 12]. В тексте из альманаха Воронского (МН_I) заумь еще не носила характер рефрена и появлялась лишь в финале стихотворения, что было отмечено в первой же рецензии («футуристический выверт в конце» [П-ая, 1926]). В самой полной редакции (МН_{II}) заумное четверостишие воспроизводится четырежды.

Следующая публикация состоялась спустя три с половиной десятилетия «культурно-исторической паузы» [Гаспаров, 1993, с. 42], которую Кирсанов назвал в предисловии («Мое неизбранное») «некими годами». Включение МН в состав книги потребовало оправдания: «...поиски нового слова в поэзии считались в некие годы не к лицу поэту. Они и остались “за воротами” многих моих сборников. <...> В утренние мои годы меня влекли к себе не только подмостки митинговых аудиторий, но и арена цирка, где хотелось перелетать с трапеции на трапецию головокружильных рифм. Я искал слова быстрого и точного, отважно пробегającego по канату темы. Если мой читатель посмотрит добрым взглядом на стихотворение “Мэри-наездница”, он найдет в нем не только поэтическое озор-

ство, но и признаки поступи, свойственной мне и в самых грустных обстоятельствах» [Кирсанов, 1967, с. 5]. В обеих поздних редакциях рефрен был воспроизведен дважды: условно говоря, в середине (после стиха «Рыжий заводит – разззз –») и в конце.

Книга, изданная в 2006 году, содержит существенное дополнение к нашим представлениям о МН: здесь в разделе «Стихотворения, не публиковавшиеся при жизни» было напечатано по автографу из личного архива Кирсанова стихотворение «Больничное» [Кирсанов, 2006, с. 303]. Оно свидетельствует о том, что подзаголовок к первой публикации («Отрывок из поэмы») не был данью литературной условности. В комментарии говорится: «Б<ез>. д<аты>, 1-й вар. загл.: “Больничные развлечения” (2-е слово зачеркнуто). Тематическая связь с № 13 (с МН. – *И. Л.*) и цифра “8” (зачеркн.: “9”) перед загл. дают основание предполагать, что ст-ние являлось 8-й главкой поэмы (вероятно, неоконченной) “Мэри-наездница”» [Там же, с. 730]. Год спустя после падения с лошади Мэри выходит в финале «Больничного» из дверей больницы. Такое развитие событий дает возможность включить почти неизбежный в 1920-е годы социальный элемент, на ослабленность которого указывали еще в 1980-е годы («к удивительно натуральной и яркой картине циркового действия “социальный” конец подверстан не очень натурально» [Минералов, 1984, с. 33]): хозяин цирка не прислал денег на лечение артистки, но ее жизнь спасена благодаря столь же бедному партнеру по арене – рыжему клоуну. «Больничное» существенно проясняет финал МН: героиня все же разбилась не «до конца»; это катастрофа, но не гибель.

В приложении к этой статье читатель сможет найти текст стихотворения в редакции 1927 года (с пронумерованными строчками: при описании разночтений за основу взят текст МН_{II}), которую автор склонен считать канонической (аргументация будет предложена ниже), и «Больничное», опубликованное лишь один раз.

В редакции МН_I название стихотворения было напечатано без дефиса («Мэри наездница»), с двумя подзаголовками, один из которых был помещен в скобки (Отрывок из поэмы), а второй напечатан разрядкой: С л у ч а й в ц и р к е. Строки «увертюры» (1–12) были напечатаны здесь со сдвигом вправо. Строки 18, 20 и 22 также сдвинуты вправо, а стих 14 разбит «по-маяковски» на три строчки, наподобие «лесенки». За ним сразу следует строка 46: заумная «сердцевина» (25–45) еще не заняла своего места или была опущена по «рекомендации» Воронского. В 57–64 восклицание «Гоп!» всякий раз было напечатано отдельной строкой; строка 66 оформлена с использованием прописных и строчных букв: «Рраз – АП – два – ГОП». Строки 72–74 и слово «Убрать» (79), напечатанное отдельной строкой, были выделены разрядкой.

В МН_{III} и МН_{VI}, как уже было отмечено, «заумный рефрен» после строки 24 воспроизводился один раз (и еще один – в финале); в МН_{III} за ним

следовал двухстрочный фрагмент инородной зауми (имитация ударных инструментов): строки 33–34. В обеих редакциях строки 17–20 (четвероштышие, содержащее звукоподражание: «Прба тара-та-та-тат-та!»), 29–32 и 42–45 были опущены; в МН_{III} из строк 33–41 оставлены лишь две (33–34), в МН_{VI} опущены и они.

Составитель тома 2006 года включил в его состав МН [Кирсанов, 2006, с. 48–49] в последней из подготовленных автором редакций [Кирсанов, 1976, с. 11–13], приняв этот факт за косвенное выражение «последней авторской воли» – одного из основных понятий современной текстологии [Лихачев, 1983, с. 560]. Автор статьи безусловно солидарен с Н. А. Богомоловым, который воспроизвел стихотворение в антологии поэзии 1920-х годов во второй (первой книжной), самой объемной редакции МН_{II} [Поэзия..., 2008, с. 327–329; Кирсанов, 1927, с. 108–111], а не в предварительной альманашной (МН_I) или в позднейших (МН_{III}; МН_{IV}). Представление

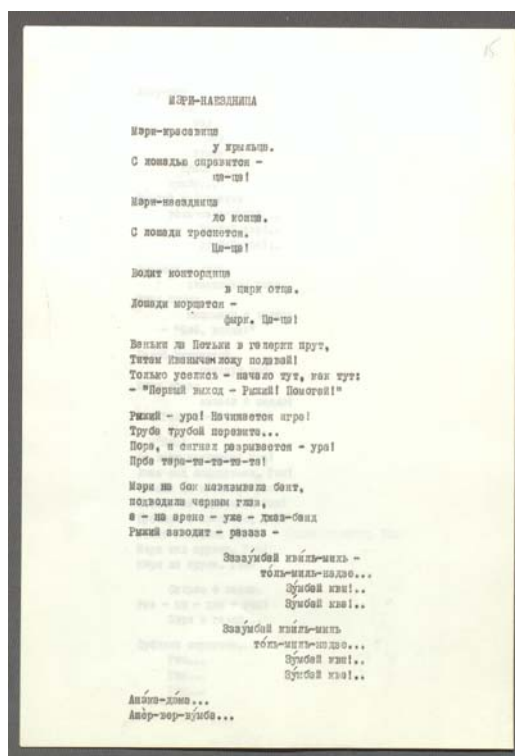

Рис. 2. Первая страница машинописи стихотворения «Мери-наездница»
РГАЛИ. Ф. 2577 [Брик Л. Ю.]. Оп. 1. Ед. хр. 1508. Л. 15
Вторая половина 1920-х годов

Рис. 3. Лист из гранок не вышедшей в свет книги: Кирсанов С. Стихотворения и поэмы. РГАЛИ. Ф. 613 (Издательство «Художественная литература»). Оп. 1. Ед. хр. 6635. Л. 7. 1936 год

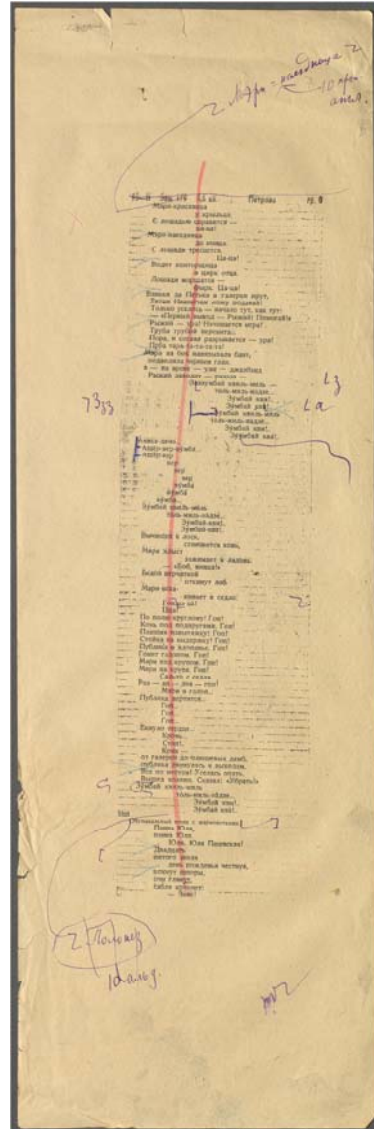
о МН_{II} читатель книги Кирсанова 2006 года может составить, лишь обратившись к своду построчных разночтений в разделе «Другие редакции и варианты» [Кирсанов, 2006, с. 651–652].

Приведем два дополнительных аргумента в пользу выбора второй редакции в качестве канонической – не только самой объемной, но и наиболее тщательно продуманной автором.

Во-первых, именно в этой редакции текст сохранился в архиве Л. Ю. Брик: машинопись с правкой и тщательно поставленными знаками ударений в тексте заумного рефрена, датированная, согласно описи, 1920-ми годами¹ (рис. 2).

В этой же редакции текст сохранился на листе из гранок неизданной (из-за развернувшейся борьбы с «формализмом») книги «Стихотворения и поэмы», подготовленной Кирсановым в 1936 году² (рис. 3). Возможно, стихотворение было бы исключено из состава книги, даже если бы она вышла: текст (с корректорскими пометами) зачеркнут вертикальной линией (красный карандаш).

Характерная особенность этих двух архивных источников – последовательное написание имени героини стихотво-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, Москва). Ф. 2577 (Брик Л. Ю.). Оп. 1. Ед. хр. 1508. Л. 15–17.

² Там же. Ф. 613 (Издательство «Художественная литература»). Оп. 1. Ед. хр. 6635. Л. 7.

рения через букву «э»: «Мэри». В МН_I, МН_{III} и МН_{IV} имя было напечатано как «Мери», а в МН_{II} наблюдается непоследовательность – возможно, случайная (из-за ошибки в наборе), но мы предпочли ее сохранить: написание «Мери» встречается здесь лишь в строчке 5, в то время как во всех остальных семи случаях и в названии – «Мэри».

Во-вторых, и в 1930, и 1963 годах Кирсанов прочитал МН перед микрофоном, в точности следуя тексту публикации 1927 года.

В примечаниях к книге 2006 года говорится: «В поэме “Последний современник” (гл. 3. Июль 1928) упоминается о том, что ст-ние в авт. исполнении было записано на грампластинку» [Кирсанов, 2006, с. 690]. Достоверных сведений о такой грампластинке нет, а ссылка на поэму малоубедительна, так как ее действие происходит в далеком будущем («пятисотый век» [Кирсанов, 1930, с. 10]). Воскрешенный, подобно герою поэмы Маяковского «Про это» (1923), автор-герой «Последнего современника», поэт Кирсанов, находит в фонотеке будущего пластинку, где МН неудачно, по его мнению, читает актер:

Хотя б обломок голоса!
На крайней этажерке
ищу, дрожу (от холода?)
нашел – «K i r s a n o f s W e r k e»

За горло ручки заводной!
(Одесса... Море... Детство...)
Тупа иголка! За одной
другую!

Наконец-то
звук заворочался в тюрьме,
и нет на мне лица –

**«Мери-наездница,
у крыльца
с лошади треснется
цаца!»**

Врешь, пластинка! Читал не так,
это чужая глотка.
Моя манера не понята –
нужно легко и лётко.

Нужен звон, а не мертвый лоск,
который не уцелеет, –
чтобы после стихов жилось
выше и веселее
[Кирсанов, 1930, с. 23–24].

Запись авторского чтения, тем не менее, была сделана сотрудниками Кабинета изучения художественной речи (КИХР), но не в 1928 году, а 9 апреля 1930 года – незадолго до прекращения деятельности Кабинета: «Большая выездная запись московских поэтов была осуществлена С. И. Бернштейном весной 1930 года. В одной из комнат клуба Федерации писателей на Поварской, 52 была размещена походная лаборатория. В этот приезд были записаны А. Жаров, С. Кирсанов, П. Антокольский» [Шилов, 2004, с. 167]. Фоновалик с записью авторского чтения стихотворения МН (и фрагмента стихотворения «Германия») сохранился и оцифрован специально для этой статьи³. Запись содержит ряд технических дефектов, и, вероятно, предполагалось повторное чтение, которое, однако, не состоялось: через 5 дней, 14 апреля 1930 года прогремел роковой выстрел Маяковского, и московским поэтам стало не до записей.

Много лет спустя, 18 декабря 1963 года Кирсанов прочитал стихотворение перед микрофоном еще раз, – и снова благодаря инспирации С. И. Бернштейна, который в разговоре со сделавшим запись Л. А. Шиловым настаивал: «И почему вы до сих пор не записали Кирсанова? Ведь вы бы могли сравнить эту запись с тем его чтением, которое я зафиксировал в 1930 году!» [Шилов, 2004, с. 164]. Эта запись доступна пользователям Интернета с начала 2000-х годов [Кирсанов, (1963)].

В звуковом приложении к электронной версии этой статьи на сайте Института филологии СО РАН читатель сможет найти и прослушать обе записи.

К истории бытования и рецепции

Вспоминая о восприятии «Мэри» критиками 1920-х годов, Кирсанов писал: «Эти опыты были встречены критикой недоброжелательно. Наиболее мягкий отзыв был озаглавлен – “Опасности на путях поэта”. Но как мне понравилось слово “опасности”! Да я ведь именно того и хотел, чтобы поэзия была так же опасна для поэта, как полет под куполом цирка без сетки и лонжи» [Кирсанов, 1966а, с. 12].

Слово «опыты» здесь неслучайно: именно оно послужило названием для первой книги Кирсанова [1925]; а слово «опасности» было столь близко сердцу поэта, что воспоминание не совсем точно: рецензия А. К. Тарасенкова «Опасности на путях поэта» вышла через 5 лет после печатного дебюта МН [Тарасенков, 1930] и была посвящена совсем другой книге Кирсанова [1930] – той, в которой говорится о найденной в далеком интернациональном будущем грампластинке с немецкой этикеткой.

³ Государственный Литературный музей (Москва). КП 10403 / 125. ФВ-79. Воск, 110 мм. Благодарю Д. П. Бака за разрешение на оцифровку валика, а также М. Фролова, А. Никитина-Перенского, В. Перельмутера и А. Рассанова за консультации и действенную помощь в поисках этой уникальной записи голоса поэта.

Сущность оценок первых критиков, тем не менее, передана совершенно точно: «Особенно неприятное впечатление оставляет отрывок из поэмы С. Кирсанова с его разухабистым припевом “Ца-ца”, “гоп, гоп” и футуристическим вывертом в конце» [П-ая, 1926, с. 7]; «Ставка Кирсанова – не столько на содержательность, сколько на “звучность”, звонкость стиха – расчет больше на слушателя, чем на читателя. Он – в непрестанной погоне за звонкостью» [Евгенов, 1927, с. 7]; «Кирсанов, очевидно, предпочитает быть хорошим куплетистом, чем плохим поэтом» [К. Пр., 1926, с. 4]; «Основной грех футуризма – установка на формальную перегрузку стихов – не преодолен Кирсановым. Это одна из причин пустоты в его творчестве» [М. С., 1927, с. 42].

Звукоподражательная заумь вызывала и более сочувственные оценки: «Мир звуков и ритмов – вот стихия поэзии Кирсанова» [Гельфандбейн, 1927, с. 181]; «Кирсанов виртуозно использует приемы всех поэтических школ: и футуристов с их заумным языком (“Зззумбай квилль-милль-толь-милль-надзе”), и конструктивистов с их речевой записью стиха» [Зенкевич, 1927, с. 218]; «Пока очевидно одно: молодой автор принадлежит к числу городских поэтов и в работе над формой исходит из теоретических положений Лефа. Он – за широкое введение разговорного языка (иногда жаргона) и поэзию, за осложнение стиха уличными шумами, звукоподражаниями и даже интонационной партитурой» [Красильников, 1927, с. 86]; «...Есть в книге и другие отделы. В них Кирсанов решает трудные звуковые проблемы» [Рик, 1927, с. 2]; «Опыты, свидетельствующие о том, что поэт усердно пробует различные звучания слова, пытливо экспериментирует над ритмикой, жадно бросается на лирические и жанровые темы» [Жиц, 1927, с. 3]; «Жонглер словом на поэтической арене, канатоходец от стиха, “лучший поэт из циркачей и лучший циркач из поэтов”, – вот что такое Кирсанов» [Левин, 1930, с. 4]; «Кирсанов пользуется и фольклором <...>, и заумью – впрочем, весьма умеренно и почти всегда законно («Баллада с аккомпанементом», «Мери-наездница»)» [Роман, 1927, с. 187].

И. А. Оксенов проникновенно возводил заумный рефрен не к Хлебникову или к Крученых, но к самому «цирковому» из русских поэтов-авангардистов «первого призыва»: «Хотите Василия Каменского с его знаменитой “згара-амба”? Раскройте “Опыты” на стр. 108: “Зззззумбай-квилль-милль – / толь-милль-надзе... / Зумбай кви!.. / Зумбай-ква!..” (Мэри-наездница)» [Оксенов, 1927, с. 158]⁴.

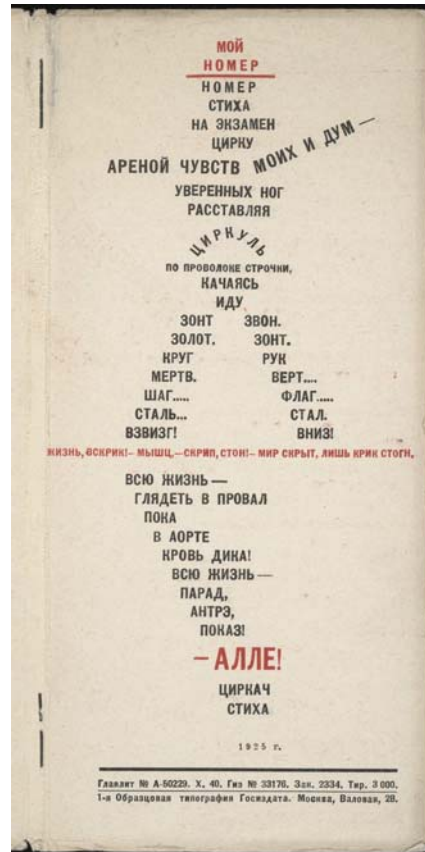
⁴ В восприятии современников ассоциация, возможно, поддерживалась свежей памятью о «цирковой мелодраме» («цирковой негритянской пьесе») В. В. Каменского «Гений случая, или Роковая наездница», поставленной в 1924 г. режиссером В. Образцовым в Замоскворецком драматическом театре (см.: [Василий Каменский, 2017, с. 119, 121]). И. Н. Розанов в дважды опубликованном (с вариациями) в 1920-е годы сопоставлении [Розанов, 1927; 1929, с. 146–150] рассматривал двух поэтов последовательно и не упомянул интересующего нас стихотворения, от-

Рис. 4. Страница из книги: [Кирсанов С. И.] Слово предоставляется Кирсанову / Конструктор книги С. Б. Телингатер. М.: Государственное издательство; 1-я Образцовая типография Госиздата-Госиздата, 1930

Именно с появлением МН стала складываться и вскоре упрочилась репутация Кирсанова как поэта-циркача – несмотря на то, что среди изданных сочинений поэта не столь уж много тематически связанных с искусством арены – таких, как, например, «Мой номер» (1925) или «Концерт» (1971) (рис. 4).

Ленинградский поэт Н. Л. Браун говорил с трибуны Первого съезда советских писателей: «Кирсанов неправильно усваивает опыт работы Маяковского. Он живет в своем собственном произношении. Когда он читает стихи, он применяет всевозможные трюки. Все мускулы его тела привлечены к тому, чтобы повысить выразительность стиха; пение, свист, сложные, чуть ли не балетные па – все пускается в ход. И я не удивлюсь, если однажды Кирсанов выйдет на эстраду на руках и будет читать стихи вниз головой. И все это выдается за новаторство! И все это часто повторяется в работе молодых, начинающих поэтов» [Первый всесоюзный съезд..., 1934, с. 648].

Желая чувствительно «уколоть» влиятельного на тот момент Кирсанова, поэт, критик (и позже – дрессировщик, сотрудник Дурова) М. П. Малишевский писал в рецензии на поэму об основоположнике марксизма: «“Товарищ Маркс” и “Мери-Наездница” написаны одним пером. Это – родные брат и сестра. За несколько лет творческой практики Кирсанов не

метив лишь, что «в лице Кирсанова футуризм, прежде задорный и воинствующий, становится мальчиком-паинькой, прилежным и послушным. Все футуристы – оптимисты. У Каменского это связано с сорокалетней “застоявшейся” юностью, у Кирсанова – с юностью фактической» [Розанов, 1929, с. 150].

приобрел ничего, чем бы мог отличить Маркса от Мери. Симпатичное фокусничество, уместное для образа Мери, здесь, в условиях ответственной поэмы, превратилось в ничего не щадящее рифмачество, жонглирующее именем Маркса. Но если там был безвестный ученик, то здесь широко известный поэт с большим печатным стажем» [Малишевский, 1933, с. 250].

Поэт В. И. Долинов, неточно цитируя стихотворение, писал о том, как Э. Багрицкий якобы «...привел в “Коллектив поэтов” подростка, всем своим видом напоминавшего драчливого воробья. “Воробушек” без тени смущения твердой походкой подошел к столу и голосом, неожиданно звонким и красивым, отчеканил: “Мэри красавица у крыльца лошадь поглаживает: цца, цца!”» (цит. по: [Яворская, 2007, с. 142]). Мемуарист неточен и в фактической части: Кирсанов сблизился с «Коллективом поэтов» в 1920 году, за 5 лет до создания МН [Кирсанов, 1971, с. 106]. Аберрации памяти, однако, характерны: настолько память о знаменитом стихотворении «срослась» в сознании современников с образом молодого Кирсанова.

В. А. Катаян вспоминал: «Я как-то привык всегда видеть себя самым младшим в компании. Но этот мальчик, который с такой удивительной энергией выкрикивал стихи, размахивал руками, жужжал, трубил, мычал, шелкал, подпевал, был еще моложе меня. Стихотворение называлось “Мэри-наездница”» [Катаян, 1999, с. 53].

Блеск авторского исполнения признавали даже консервативные слушатели. Показательны реакции покровительствовавшего молодому Кирсанову Маяковского и А. В. Луначарского:

Среди молодых выступил Семен Кирсанов. Анатолий Васильевич слушал его в первый раз. В Кирсанове было столько юношеской живости, блеска, темперамента! Читал он очень эффектно, умело «подавая» текст, «Бой быков», «Мэри-наездница», «Полонез» и другие стихи. Маяковский с высоты своего роста смотрел на маленького подвижного Кирсанова с очень хорошей, ласковой, поощряющей улыбкой. И все аплодисменты, которые тогда достались Кирсанову, Маяковский встречал с какой-то отцовской удовлетворенностью (а ведь самому Маяковскому было тогда всего тридцать четыре года).

Меня несколько удивило, что по дороге домой, когда я продолжала восторгаться стихами Кирсанова, Анатолий Васильевич сказал несколько сухо: «Да, конечно, это может нравиться. Эффектно, даже виртуозно, но слишком внешняя эффектность. В сущности, это не огонь, а фейерверк. Кирсанов еще очень молод. Если его увлечение бутафорией пройдет, а одаренность останется, из него выйдет настоящий поэт» [Луначарская-Розенель, 1963, с. 475–476].

Едва ли не скандальным было, по воспоминаниям И. М. Синельникова, выступление Кирсанова во время лефовского «десанта» в Ленинград в феврале 1929 года:

После Хармса выступил Кирсанов, читавший свои стихи. И тут разгорелись страсти.

Следует иметь в виду, что молодой Кирсанов мало походил на маститого поэта. В то время, о котором идет речь, стихи Кирсанова в основном были рассчитаны на внешний эффект. Особенно прогремело четверостишие:

Мэри-наездница
У крыльца
С лошади треснется
Ца-ца.

Такие стихи слабо, как говорится, котировались, особенно в тогдашнем Ленинграде. И вот в то время, когда он читал стихи, сидевший рядом со мной Хармс поднял ворот пиджака, укрыл в него голову, сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Кирсанов немедленно ответил: «Я тоже умею», и свистнул не менее оглушительно. Но когда он попытался продолжить чтение стихов, раздалось шиканье <...> [Синельников, 2014, с. 39].

Неприятие Кирсанова Хармсом и Заболоцким («подтанцовывающая и жонглирующая речь Кирсанова» [Заболоцкий, 1937, с. 1]) в первую очередь объясняется, видимо, принадлежностью к разным «культурным генерациям», разным отношением к взаимодействию поэта и власти: цирковая эксцентрика не была чужда поэтам-обэриутам, о чем свидетельствуют, например, заголовки направленных против них критических выпадов: «Реакционное жонглерство», «Ученик Пушкина или акробат из “Звезды”?» Сходным образом представлялся Хармсу не только левовец Кирсанов, но и приезжавший в Ленинград конструктивист И. К. Сельвинский: «...крепкий, дубинистый человек, на совершенно чужом пути» [Хармс, 2002, с. 283].

Ленинградская печать прохладно отзывалась о выступлениях поэта: «С. Кирсанов, злоупотребляющий своими декламационными способностями, читал ряд стихов и “разговоров”. Поэт он – несомненно способный, но не вышедший еще из пеленок эпигонства. Эти “пеленки” – несколько угрожающего свойства: Кирсанову нравится роль литературного вундеркинда, а ведь пора уже вылезать и становиться на собственные ноги» [Мессер, 1929, с. 13]. Но и здесь признавали, что молодой поэт «...крепко чувствует слово, хорошо орудует тем материалом, который дает звуковую сущность его произведений. Его стихи звучат» [Анч., 1929, с. 3] (рис. 5).

В 1936 году Кирсанов триумфально декламировал МН во время заграничного турне советских поэтов, несмотря на то, что ее исполнение не было одобрено в идеологических инстанциях. А. И. Безыменский писал в отчете о выступлении в Братиславе:

Успех был оглушительным, прямо говорю. Можете судить по прессе. Даже самые правые газеты хвалили и признавали. Правда, Кирсанов вообразил себя в Политехническом музее и, обманув нас, прочел никем не предусмотренную «Мэри-Наездницу», хотя я и шепнул ему, чтобы он отказал от этого намерения. Но это был единственный прорыв. Вечер был прекрасным. <...> Сельвинский заявил Кирсанову, что он хотел бы путешествовать отдельно от него, если повторится история с «Мэри-наездницей». Семе почти безразлично стало после первого стихотворения ЗА ЧТО ему будут хлопать, лишь бы хлопали – и вот «Мэри». Он перепугался нашего противодействия, но кто знает, что выкинет он завтра (цит. по: [Фрезинский, 2008, 483, 489]).

Рис. 5. Анч. П. Николай Асеев, Семен Кирсанов завтра читают на утреннике «Смены» (Смена. [Л.] 1929. № 39 (1447), 16 февр. С. 3)

Стихотворение Кирсанова производило сильное впечатление и в исполнении других чтецов; оно нередко служило литературной основой концертных номеров (см., например: [Рахманов, 1988, с. 519]), исполнялось на вступительных экзаменах в театральные учебные заведения [Миранова, Менакер, 1984, с. 22, 25].

Н. Н. Асеев писал о встрече с Горьким в 1928 году:

Я беру книжку Кирсанова, имеющуюся в библиотеке у Горького, и начинаю читать «Германию», «Мельника Ажуха», «Мэри-наездницу», «Быка». Горький слушает сначала без особой симпатии, но замечательный ритм, неожиданность упрощений, задор, молодость и блеск кирсановских строчек забирают его за живое; он начинает теплеть и светлеть и после третьего или четвертого стихотворения прорывается похвалами и возгласами: «Здорово! Ах ты, батеньки мои, как это здорово, а я и не знал этого Кирсанова! Сколько ему лет? Кто он такой?» Сообщаю ему краткие сведения о Кирсанове, говорю о его молодости, одаренности и неожиданности, и Горький довольно поводит усами, протирает глаза платком, потом задумывается и говорит: «Ну и читаете же вы, батенька мой, все-таки замечательно! В вашем чтении любое стихо-

творение пройдет!» Это он упрямится, не желая принимать Кирсанова целиком, желая разъяснить себе секрет впечатления, произведенного на него столь просто сделанными по виду и отличающимися от всех канонов высокой поэзии строчками. Я возражаю ему, что сам Кирсанов читает в три раза лучше меня, что секрет его строк именно в том, что они уже перестроены со зрительного впечатления на слуховое, что именно этот вид стихов и имеет только право на существование, что для него только и годны широкие горла радио на площадях и многочисленных собраниях, что камерный комнатный стих, продукт потребления индивидуального единичного читателя, закончил круг своего развития. <...> Горький и соглашается, и нет, оставляя себе поле для дальнейшей критики; говорит, что все-таки, главным образом, здесь дело в чтении, что Кирсанова он внимательно читал вчера на ночь и что, конечно, он не сравним при чтении на глаз с восприятием его с голоса. Я опять пытаюсь доказать, что стихи эти сделаны на голос и на слух, что в том-то их и преимущество, что их нужно слушать большим залом, зажигаясь и радуясь совместно с соседями огненными ритмами и взрывами рифм, что в одиночку в комнате они так же не нужны, как партитура хоровой песни [Асеев, 1928, с. 96, 100].

М. Л. Гаспаров во вступительной статье к большому тому поэтических сочинений Кирсанова в «Новой библиотеке поэта» пересказал и прокомментировал этот эпизод:

Николай Асеев в 1928 г. был у Горького в Сорренто и рассказывал ему о поэзии в ЛЕФе. Горький был человек старых вкусов, ему такая поэзия не нравилась и казалась недолговечной модой. Асеев стал читать ему вслух стихи молодого Кирсанова. Горький не мог спорить, что это хорошо, но говорил: «Это оттого, что вы так читаете». На самом деле просто стихи были так написаны: переключки слов и звуков при чтении вслух выступали отчетливее, чем при чтении глазами. Это было не особенное чтение, а особенный поэтический язык – тот, который сложился в начале века [Гаспаров, 2006, с. 9].

Имя и сюжет

В книге о Кирсанове, изданной в 1984 году, о стихотворении говорилось, что его «соль» состоит «...именно в джаз-бандном ритме, в ритмичном вытанцовывании цирковой лошади» [Минералов, 1984, с. 32]. «Сюжет <стихотворения> о гибели цирковой наездницы, напоминает “обыкновенную историю” из хроники отдела происшествий какой-нибудь дореволюционной бульварной газетки» [Минералов, 1984, с. 31]. В известной антихлебниковской статье 1948 года острый сюжет также мотивировался увлечением зауемью: «Семен Кирсанов в своих “Опытах” придумал целую новеллу о гибели цирковой наездницы только для того, чтобы посмаковать заузные звуки» [Яковлев, 1948, с. 216].

Имя Мэри повторяется в тексте (включая название стихотворения) девятикратно во всех редакциях. Оно занимает особое место в системе однократно упоминаемых имен собственных, где есть обобщенные имена представителей разных слоев публики (Ваньки, Петьки и Титы Ивановы) и имя партнера – рыжего клоуна по имени Боб⁵.

Как отметил Г. А. Левинтон, «имя Мэри в русской поэзии не может быть свободным от пушкинских ассоциаций» [Левинтон, 1978, с. 185]. Словарь указывает на два пушкинских текста: «1. (аллюз. на персонаж маленькой трагедии А. С. Пушкина “Пир во время чумы”) <...> 2. (аллюз. на персонаж стих. А. С. Пушкина “Пью за здравие Мери”» [Григорьев и др., 2005, с. 271]. Начиная с 1910-х годов это имя не может быть свободным и от блоковских ассоциаций.

Обе пушкинские Мэри – прекрасны, но одна из них (см. [Пушкин, 1978, т. 5, с. 351–359]) ассоциируется как с пением и песней, так и с болезнью (чума) и катастрофой (см.: [Фридман, 1974]), а другая (стихотворение «Из Wagg Cornwall» («Пью за здравие Мери...»)) [Пушкин, 1977, т. 3, с. 194]) – с заздравным тостом, и, таким образом, со здоровьем («здрави-ем»). Впрочем, при воссоздании английского контекста, стихотворения Барри Корнуолла «Песнь» («Song»), выясняется, что в подтексте пушкинского стихотворения – сюжет о прощании с героиней по имени Мери и траурная тональность (см.: [Довгий, Кулагин, 1985]). В свете этих аллюзий пространство цирковой арены и «вакхический» возглас наездницы («Боб, винца!») предстают трансформацией мотива *круговой чаши* из маленькой трагедии, в то время как взаимосвязь *здоровья* и *болезни* реализуется в сюжете о катастрофическом падении, травме и выздоровлении героини ненаписанной поэмы⁶.

⁵ Боб – распространенное клоунское имя в цирковой практике начала XX века. Дуэт «Боб и Мэри», видимо, вызывал у людей 1920-х годов и киноассоциации. В 1923 году на экраны вышел немецкий фильм «Боб и Мэри» («Bob und Mary»). В газетах печатали рекламные сообщения об этом фильме; на улицах, вероятно, висели афиши с двумя именами. Фильм, насколько нам известно, не сохранился; о его сюжете, тем не менее, можно судить по тексту русских титров: Боб и Мери: Комедия в 7-ми частях. Сценарий М. Глаза и Б. Лютге (Архив Госфильмофонда (ГФФ). Монтажные листы зарубежных немых фильмов. Ед. хр. 11/15). Выражаю признательность П. А. Багрову и его сотрудникам за возможность ознакомиться с этими материалами. Цирка и цирковой темы в фильме не было, однако его безработная героиня живет с престарелым отцом и находит работу в Банкирской конторе Франклин и К° (Ср.: «Водит конторщица / в цирк отца»). Боб в этой комедии – имя авантюриста, «продавца воздушных шаров».

⁶ С. Я. Маршак в детской книжке о цирке того же 1925 года из по меньшей мере нескольких вариантов рифмы к «арене» выбирает имя, также ассоциирующееся у взрослого читателя с пушкинской трагедией: «Я – прекрасная мисс Дженни. / Я гарцую по арене. // – Гоп. Гоп! Гоп. Алле! – / На малиновом седле!»

Подкорпус блоковских текстов, объединенных героиней, носящей имя Мэри, включает раннее стихотворение «Мэри. “Пир во время чумы”» [Блок, 1999, т. 4, с. 88–89], цикл «Мэри» (о его истории, редакциях и составе см.: [Минц, 2000; Спроге, 1983]) и лирическую драму «Незнакомка» [Блок, 2014, т. 6, с. 61–90]. «Миф о Мэри» [Спроге, 1983, с. 105] у Блока включает несколько существенных в свете нашей темы аспектов.

Имя героини предстает здесь как профанный вариант имени Мария и ассоциируется с евангельскими носительницами этого имени. В контексте «основного мифа русского символизма», восходящего к софиологии В. С. Соловьева, Мэри – одно из воплощений Вечной Женственности, Софии. В «гностических» глубинах этого мифа хранится память о сюжете, связанном с падением и низвержением Софии. Эта коллизия обретает сюжетные очертания в лирической драме, где в «большом мире» происходит катастрофическое событие («Пала Мария – звезда»), а в «малом» в то же самое время воплощается девушка по имени Мария (Мэри): «Незнакомка застывает у перил моста, еще храня свой падучий блеск» [Блок, 2014, т. 6, с. 72].

С другой стороны, Мэри у Блока обретает черты эксцентризма – в одном из стихотворений цикла («Опять у самой двери...») она становится прекрасной всадницей, амазонкой (вероятно, по ассоциации с героиней лермонтовской «Княжны Мери», не раз являющейся на страницах романа верхом). На одном из этапов становления цикла в него входило стихотворение «Нет имени тебе, мой дальний...», восходящее к рассказу князя Мышкина из романа Достоевского «Идиот» о «падшей» девушке Мари и ее больной матери.

В МН Кирсанов всякий раз помещает имя героини в начало поэтической строчки, и лишь в финале «Больничного» оно приближается к клаузульной позиции, а благодаря рифме «двери – Мэри» приоткрывает свои пушкинские и блоковские истоки. Впрочем, уже в первых строчках МН встречается слово, легче мотивируемое связью с семантическим полем ‘двери’, чем с цирковым локусом: «Мери-красавица / у крыльца...»

У поэтов 1910-х годов имя Мэри появляется нередко, и оно видимо связано с блоковским «мифом о Мэри». Так, в стихотворении казанского поэта В. В. Журина, озаглавленном «Из цикла “Мэри”»:

Ты, знаю, властна колдовать,
Сжигая дальние закаты.
Ах, Мэри, Мэри! Вот опять
Мои мечты тобой распяты...
[Журин и др., 1914, с. 11].

[Маршак, Лебедев, 1925, с. [12]]. Мэри у Пушкина поет: «А Эдмонда не покинет / Дженни даже в небесах!» [Пушкин, 1978, т. 5, с. 353].

В первом сборнике стихотворений харьковчанина И. А. Уразова (в 1920-е годы тесно связанного с цирковой журналистикой):

Копыта лошади так звонки –
и я заранее уж знаю:
сейчас проскачет амазонка,
изящная и молодая. <...>

А может быть, и я уж верю,
не останавливая бег,
ее зовут – я знаю – Мэри,
мне бросит свой узорный стэк
[Уразов, 1917, с. 18].

Появляется у Блока и символический образ цирковой наездницы, но с именем Мэри он связан лишь по смежности – в прозаическом предисловии к сборнику «Земля в снегу» (1908), где был напечатан первый вариант цикла «Мэри»: «Что из того, что Судьба, как цирковая наездница, вырвалась из тусклых мерцаний кулис, и лихой скакун ее, ослепленный потоками света, ревом человеческих голосов, щелканьем бичей, понесся вокруг арены, задевая копытами парашют? И вот Судьба – легкая наездница в прозрачной тунике, вся розовая, трепетно-стыдливая на арене, нагло-бесстыдная в страсти, хлестнула невзначай извилистым бичом жалкого клоуна, который ломается на глазах амфитеатра, – хлестнула прямо в белый блин лица. <...> ...Сама Судьба превратила эту пышность, этот неизбывный восторг, эту ясную совесть, эту радостную тоску – в ничто. И я протяну к ней руки, я поклонюсь ей в ноги, – будь Она в образе цирковой наездницы в ажурных чулках с голубыми стрелками, с тонким и оскорбительным бичом, с глазами пленительной мещанки, сияющими лишь по привычке всегда сиять, до гроба сиять» [Блок, 1997, т. 2, с. 217].

Слияние героини по имени Мэри с ареной и стихией циркового искусства произошло задолго до стихотворения Кирсанова. Приведем два случая, второй из которых имеет, кажется, прямое отношение к разбираемому стихотворению. Героиня написанной под влиянием Гумилева поэме А. А. Венедиктова «Мэри из Владивостока» – прекрасная зрительница из 4-й ложи:

А потом под купол четыре чорта
Взлетали с отрывисто-звонким «Allez!»
А потом только ложу № 4-ый
Я видел ясно на всей земле. <...>

Но всю ночь мне звучало имя Мэри,
И небрежно брошенные слова,

Всю темную ночь я ждал и верил,
Что Вы будете в сквере завтра в два
[Венедиктов, 1923, с. 74].

Значительно раньше, в футуристическом альманахе «Весеннее контр-агентство муз» было напечатано стихотворение А. Э. Беленсона «Цирк» [Беленсон, 1915, с. 85]. Короткое (8 строк) бессюжетное стихотворение-картинка предвосхищает ритмику и «переклички слов и звуков» в кирсановском стихотворении – в обоих случаях они призваны имитировать характерные особенности циркового концерта. Стихотворение Беленсона, скорее всего, привлекло внимание Кирсанова не в давней альманашной публикации, а в составе сборника, вышедшего за год до создания МН:

ЦИРК

Лошади выглядят бодрыми,
Попоны – цветными кафтанами.
Наездница движет бедрами
И звуками гортанными.

Стянуты бедра намеренно,
Далекая линия губ ала.
Лорнирует Мэри мерина
В меридиане купола
[Беленсон, 1924, с. 26].

Кирсанову осталось лишь усложнить и привести в динамику эту яркую картинку, внедрив в нее сюжетное повествование: не просто «Цирк», но «Случай в цирке», и этот случай непременно должен стать роковым⁷.

Сюжет и заумь

Семантическая (повествовательная) и асемантическая (звукоподражательная) составляющие разведены в стихотворении достаточно отчетливо: читатель и слушатель ясно осознает, когда ведется рассказ о том, что случилось в цирке во время представления, и когда имитируется звучание циркового оркестра. Прежде чем предложить толкование функций зауми в стихотворении, опишем в общих чертах его композиционное устройство.

Ст. 1–12 – увертюра, предпосылаемая стихотворению; подобно эмбриону, она содержит в себе сюжет целиком, включая еще неизвестный читателю финал: «Мэри-наездница / до конца / С лошади треснется». Заумь присутствует здесь в виде проходящего насквозь «Ца-ца!», напоми-

⁷ См. главу «Morturi te salutant» в книге: [Буренина-Петрова, 2014, с. 81–150].

нающего и поддразнивание лошади, и восклицание куплетиста⁸. Последний из трех тактов диффузно переходит к описанию подготовки зрителей и участников представления.

Ст. 13–24 – увертюра циркового представления: описано, что происходит среди зрителей, в оркестре, и на арене. В конце срединного такта – имитация звукового сигнала трубы: «Прба тара-га-га-га-га!» (20).

Ст. 25–45 – подражание музыке оркестра.

Ст. 46–79 – описание номера наездницы, завершившегося ее падением. В этой части может быть выделено появление артистов на арене (46–55), синхронный комментарий-описание происходящего на арене (56–71) и его катастрофическая кульминация – падение (72–79). Цирковое слово «Гоп!», повторяясь, создает подобие стробоскопического эффекта. Оно выступает и как сигнал резкой перемены описываемых действий, и как императив – команда; прямо перед падением действие, кажется, опережает динамику комментирующего рассказа, в котором и свершается действие: «Раз – ап – два – гоп!» (66)⁹.

Ст. 80–83 – подражание музыке оркестра: представление продолжается.

(В общих чертах композиция МН воспроизводится и в «Больничном», где записаны в пять и семь строк – и тем самым выделены – близкое к центру четвертое и последнее четверостишия. Эта выделенность способна напомнить о локализации зауми в тексте МН.)

Семантическая и асемантическая части относительно равноправны и как бы «вдвинуты» друг в друга на основании принципа, сформулированного И. П. Смирновым: «Повтор прекращенного повтора делает выразительные средства <...> стихотворной речи в принципе изоморфными ее тематическому содержанию» [Смирнов, 2001, с. 237]. Дважды в точности (включая графическое оформление) повторенный рефрен (25–32) «перебивается» заумной же, но инородной вставкой (33–41), затем повторяется

⁸ В комментариях к стихотворению Хлебникова «Море» в издании 1986 г. «а-ца-ца!» толкуется как «восклицание-припев эстрадных куплетов» [Хлебников, 1986, с. 670]. В поэме В. В. Маяковского «Облако в штанах» звукоподражание связано с искушением и воспроизводится с другим акцентом: «Вся земля поляжет женщиной, / заерзает мясами, хотя отдаться; / вещи оживут – / губы вещицы / засюсюкают: / “ца́ца, ца́ца, ца́ца!”». С известной осторожностью можно предположить, что память о рифме из кирсановского стихотворения отозвалась в стихотворении Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926): «Вам, / конечно, известно / явление “рифмы”. // Скажем, / строчка / окончилась словом / “отца” // и тогда – / через строчку, / слога повторив, мы // ставим / какое-нибудь / Л а м ц а - д р и ц а ц а » [Маяковский, 1926, с. 4].

⁹ Ср. в стихотворении Е. Д. Волчанецкой, написанном от лица дрессированной собачки, где слово «Гоп!» лишь передает цирковой колорит и не служит задаче синхронизации речи и подразумеваемого действия: «Гоп! Алле! Как стальная пружина, / Перелегаю на арене широкие полосы, / И слышу щелканье бича господина, / И знакомые нотки в ободрающем голосе» [Волчанецкая, 1923, с. 15].

еще раз – со сдвигом к левому краю печатной страницы, впритык к графическому зигзагу, напоминающему о стихотворении в форме мышинного хвоста из «Алисы в стране чудес». После этого рассказ о том, что случилось в цирке, продолжается, но для восстановления равновесия и воссоздания полноты композиционного квадрата (метафорически говоря – вписываемого в круг цирковой арены, со всеми сопутствующими циклическими ассоциациями) рефрен должен прозвучать еще раз. И он звучит – в финале стихотворения, в абсолютно иной тональности, после свершившейся сюжетной катастрофы.

Заумный рефрен звучит исключительно убедительно, а о генезисе составляющих его звуковых компонентов можно лишь строить предположения. «Зумбай» напоминает не только «Цувамму» Каменского, но и часто употребляемое немецкое выражение «Zum Beispiel» (например; *нем.*). Соседство «кви» и «ква» – не только комическую имитацию кваканья лягушки, но и крылатую фразу «Qui pro quo» (Одно вместо другого; *лат.*) или французское вопросительное «Quoi?» (Что? *фр.*)¹⁰. Неологизмом «миль», образованным, вероятно, от прилагательного «милый» (наподобие слов «синь», «голь» и др.) названо одно из ювенильных стихотворений Кирсанова (см.: [Яворская, 2007, с. 173]).

Особое место в этом ряду, как кажется, занимает компонент «-надзе», на первый взгляд напоминающий лишь окончание некоторых грузинских фамилий (Шеварднадзе, например). Своеобразие его семантики способен прояснить фрагмент статьи Кирсанова о палиндроме, написанной для журнала «Наука и жизнь»:

Мне большей частью удавались перевертни, вызывавшие эффект комический или иронический. Иногда я строил их на выдуманных именах. Вот начало такого перевертня, построенного, как цирковая афиша.

ЦИРК «РИЦ»

Анонс! – Нона!
2 ЕЗДИДЗЕ 2
Наездница Цин-Дзе-Ан
и комики Кимоки
Морж Ром!

¹⁰ Ср. у Пушкина в «Борисе Годунове»: «М а р ж е р е т . Quoi? quoi? Д р у г о й <беглец>. Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные» [Пушкин, 1978, т. 5, с. 255].

На велосипеде
Деписолев А. Н.
Клоун Н. Уолк
и Казаки
Никифоров и Ворофикин!

Это было написано во времена моей ранней вещи «Мери-наездницы».

Я, само собой разумеется, не стремился к обнародованию таких опытов, рассматривая их как игру в шахматы с самим собой, не более. Но чем больше я уделял времени перевертням, тем больше у меня появлялось новых рифм и ритмов, развивалась способность к поиску и находкам для «настоящей» работы [Кирсанов, 1966б, с. 76–77].

Выдуманная Кирсановым грузинская фамилия (или артистический псевдоним) Ездидзе наводит на мысль об обратном чтении: надзе >< езда[н]. Тогда заумное слово предстает сложной трансформацией слова – приложения к имени Мэри: наездница > надзе. Первая буква слова остается на своем месте, а две буквы «а» в начале и в конце слова как бы меняются местами: внутри слова «наездница» «опрокидывается» мотивирующее его слово «езда»¹¹, предвосхищая сюжетное падение героини. Прямо перед строкой 55, где «встретились» и поменялись местами заумные восклицания из первой и второй частей стихотворения («Гоп, ца-ца!») единственный раз встречается «рассеченное» и разнесенное на две строки слово – с противостоящим семантике падения пространственным вектором: «Мэри вска- / кивает в седло». Тем самым в поэтическом слове «удерживается» и грядущая сюжетная травма, и намек на ее преодоление.

Семантическое и асемантическое при видимой раздельности проникают друг в друга на разных ярусах организации текста, от крупных композиционных блоков до уровней графемы, фонемы и даже диакритического знака (в их чередовании, расположении и направлении можно увидеть подобие четочной дроби разной частоты). В одной из характерных для цирковой печати 1920-х годов статей говорилось: «Действия циркового артиста должны быть насквозь “промузыкалены”. Только тогда в них будет полнота и блеск законченности» [Улицкая, 1928, с. 1].

Список литературы

Анч. П. Николай Асеев, Семен Кирсанов завтра читают на утреннике «Смены» // Смена. 1929. № 39 (1447), 16 февр. С. 3.

Асеев Н. Н. Разгримированная красавица. Путевые записки. М.: Федерация, 1928. 227 с.

¹¹ Уместно вспомнить, может быть, хрестоматийную строку из «Разговора с фининспектором о поэзии»: «Поэзия / вся! – / езда в незнаемое» [Маяковский, 1926, с. 6].

Беленсон А. Цирк // Весеннее контрагентство муз: Сб. / Под ред. Д. Бурлюка и С. Вермеля. М.: Изд. Студии Д. Бурлюка и Сам. Вермеля, 1915. С. 85.

Беленсон А. Безумия: Третья книга стихов. М.: Тип. «Искра революции», 1924. 61 с.

Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997–...

Буренина-Петрова О. Д. Цирк в пространстве культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 426 с.

Василий Каменский: Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования / Сост. и науч. ред. А. А. Россомахина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 432 с.

Венедиктов А. Мэри из Владивостока // Литературная мысль: Альманах. [Кн.] 2. Пг.: Мысль, 1923. С. 73–79.

Волчанецкая Е. Д. (Ровинская Е. Д.). Серебряный лебедь. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 73 с.

Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 5–44.

Гаспаров М. Л. Семен Кирсанов, знаменосец советского формализма // Кирсанов С. И. Стихотворения и поэмы СПб.: Академический проект, 2006. С. 5–18. (Сер. «Новая библиотека поэта»)

Гельфандбейн Г. [Рец.] С. Кирсанов. «Опыты». Книга стихов, 129 стр. ГИЗ, ц. 1 р. 25 к.; М. Светлов. «Ночные встречи». «Молодая гвардия», 62 стр., ц. 1 р. // Красное слово. 1927. № 2/3. С. 180–181.

Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен. М.: Азбуковник, 2005. 448 с.

Довгий О. Л., Кулагин А. В. Пушкинское стихотворение «Из Ваггу Cognwall» и его английский источник // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. С. 144–154.

Евгенов Е. [Рец.] Семен Кирсанов. «Опыты». Книга стихов предварительная. 1925–26 г. ГИЗ. 1927 г. 129 стр. 1 р. 25 к. // Правда. 1927. № 108 (364), 15 мая. С. 7.

Жиц Ф. [Рец.] Семен Кирсанов. – «Опыты» (стихи) ГИЗ, 132 стр. // Вечерняя Москва. 1927. № 79, 8 апр. С. 3.

Журин В., Залкинд Г., Рабинович Л. Флейты осени. Казань: Тип. Я. Н. Подземского, 1914. 83 с.

Заболоцкий Н. А. Язык Пушкина и советская поэзия (Заметки писателя) // Известия. 1937. № 22 (6184), 25 янв. С. 6.

Зенкевич М. А. [Рец.] Семен Кирсанов. Опыты. Книга стихов предварительная. 1925–1926. Гиз. М.–Л., 1927. Стр. 129. Тир. 2000 экз. Ц. 1 р. 25 к. // Печать и революция. 1927. Кн. 6, сент. С. 218–219.

Катанян В. А. Распечатанная бутылка. Н. Новгород: Деком, 1999. 348 с.

Кирсанов С. И. Мери наездница (Отрывок из поэмы). Случай в цирке // Альманах «Красная новь». № 2. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 292–294.

Кирсанов С. И. Опыты. Книга стихов предварительная. 1925–1926. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 128 с.

Кирсанов С. И. Последний современник. М.: Федерация, 1930. 96 с.

[*Кирсанов С. И.*] Семен Исаакович Кирсанов читает 8 стихотворений. Запись 18.12.1963. URL: <http://imwerden.de/publ-1974.html> (дата обращения 18.10.2017).

Кирсанов С. И. Поэзия и цирк // Советская эстрада и цирк. 1966а. № 11. С. 12–13.

Кирсанов С. И. Поэзия и палиндромон // Наука и жизнь. 1966б. № 7. С. 75–77.

Кирсанов С. И. Искания: Стихотворения и поэмы. 1923–1965. М.: Худож. лит., 1967. 240 с.

Кирсанов С. И. [Ответ на анкету «Как это у них было»] // Юность. 1971. № 1. С. 106.

Кирсанов С. И. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 4: Поэтические поиски и произведения последних лет. 405 с.

Кирсанов С. И. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2006. 800 с. (Сер. «Новая библиотека поэта»)

Красильников В. Девять книг стихов // На литературном посту. 1927. № 11–12, июнь. С. 84–88.

Левин Л. Поэтическое жонглерство: о новых стихах С. Кирсанова // Литературная газета. 1930. № 39 (76), 4 сент. С. 4.

Левинтон Г. А. Заметки о фольклоризме Блока // Миф – фольклор – литература. Л.: Наука, 1978. С. 171–185.

Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, 1983. 639 с.

Луначарская-Розенель Н. А. Луначарский и Маяковский // Маяковский в воспоминаниях современников / Вступ. ст. З. С. Паперного, сост. и примеч. Н. В. Реформаторской. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1963. С. 455–483.

М. С. «Надутая пустота» // На подъеме. Ростов н/Д, 1927. № 7. С. 42.

Малишевский М. П. [Рец.] Семен Кирсанов. Товарищ Маркс. ГИХЛ, 1933 г. С. 141. Цена 4 р. 50 к. Тир. 10.000 // Новый мир. 1933. № 9. С. 250–252.

Маршак С. Я., Лебедев В. В. Цирк. Л.: Радуга; 1-я гос. литография, 1925. [14 с.]

Маяковский В. В. Разговор с фининспектором о поэзии. Тифлис: Зак-книга, 1926. 16 с.

Мессер Р. Вечер «ЛЕФА» (К выступлению Н. Асеева и С. Кирсанова) // Жизнь искусства. 1929. № 9. С. 13.

Минералов Ю. И. Поэзия, поэтика, поэт. М.: Сов. писатель, 1984. 208 с.

Минц З. Г. Блок и Пушкин // Минц З. Г. Александр Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. СПб.: Искусство-СПб, 2000. Кн. 2: Александр Блок и русские писатели. С. 145–260.

Миронова М. В., Менакер А. С. В своем репертуаре. М.: Искусство, 1984. 309 с.

Оксенов И. [Рец.] Семен Кирсанов. Опыты. Книга стихов предварительная. Гос. издат. 1927. Стр. 132 // Звезда. 1927. № 6. С. 158–159.

П. Кр. Вечер пародий // Вечерняя Москва. 1926. № 239, 16 окт. С. 4.

П-ая Н. [Рец.] Альманах «Красная Новь». № 2. Госиздат. 1925. Стр. 373. Цена 1 р. 74 к. // Правда. 1926. № 25 (3254), 31 янв. С. 7.

Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. 718 с.

Поэзия 1920-х годов / Сост., предисл. и коммент. Н. А. Богомолова. М.: Слово/Slovo, 2008. 728 с. (Сер. «Библиотека русской классики»)

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

Рахманов Л. Н. Чет-нечет: Повести. Рассказы. Пьесы. Воспоминания. Листки календаря. Л.: Сов. писатель, 1988. 702 с.

Рик. Семен Кирсанов. «Опыты» // Вечерние известия (Одесса). 1927. № 1208, 9 апр. С. 2.

Розанов И. Н. Современные лирики. VI: Лефовцы: Каменский, Кирсанов // Родной язык в школе: Науч.-пед. сб. М.: Работник просвещения, 1927. Сб. 6. С. 116–126.

Розанов И. Н. Русские лирики: Очерки. М.: Никитинские субботники, 1929. 212 с.

Роман Р. [Рец.] Семен Кирсанов. «Опыты». Стихи. ГИЗ. Тир. 2000. Цена 1 р. 25 к. // Молодая гвардия. 1927. № 6. С. 187–188.

Синельников И. М. «Это было, было, было...»: Книга воспоминаний. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. 176 с.

Смирнов И. П. Смысл как таковой. СПб.: Академический проект, 2001. 342 с.

Спроге Л. В. Рецепция пушкинских образов и сюжетов в лирике А. Блока (цикл «Мэри») // Проблемы пушкиноведения: Сб. науч. тр. Рига: Изд-во Латв. гос. ун-та им. П. Стучки, 1983. С. 102–114.

Тарасенков А. К. Опасности на путях поэта: [Рец.] Кирсанов С. Последний современник. Изд. «Федерация». М. 1930. Тираж 3000. Стр. 95. Цена 1 руб. 10 коп. // Книга и революция. 1930. № 19. С. 10–11.

Улицкая М. Музыкальный циркач // Цирк и эстрада. 1928. № 8 (40), май. С. 1.

Уразов И. А. Цветные стекла: Стихи. Пг.: L'oiseau bleu, 1917. 22 с.

Фрезинский Б. Я. За кулисами триумфа (Советские писатели в Европе 1936 года) // Фрезинский Б. Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. С. 476–505.

Фридман Н. В. Песня Мэри // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1974. Т. 33, вып. 3. С. 242–253.

Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб.: Академический проект, 2002. Кн. 1. 480 с.

Хлебников В. В. Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева, А. Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. 734 с.

Шилов Л. А. Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста-шестидесятника. М.: Альдаон; Русаки, 2004. 368 с.

Яворская А. Л. Рукописи Семена Кирсанова в фондах Одесского литературного музея // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публикаций. Одесса: Моряк, 2007. Вып. 4. С. 141–188.

Яковлев Б. В. Поэт для эстетов (Заметки о Велимире Хлебникове и формализме в поэзии) // Новый мир. 1948. № 5. С. 207–231.

Приложение

Семен Кирсанов

МЭРИ-НАЕЗДНИЦА

- 1 Мэри-красавица
- 2 у крыльца.
- 3 С лошадей справится –
- 4 ца-ца!

- 5 Мери-наездница
- 6 до конца.
- 7 С лошади треснется.
- 8 Ца-ца!

- 9 Водит конторщица
- 10 в цирк отца.
- 11 Лошади морщатся –
- 12 фырк. Ца-ца!

- 13 Ваньки да Петьки в галерки прут,
- 14 Титам Иванычам ложу подавай!
- 15 Только уселись – начало тут, как тут:
- 16 – «Первый выход – Рыжий! Помогай!»

- 17 Рыжий – ура! Начинается игра!
- 18 Труба трубой перевита...

19 Пора, и сигнал разрывается – ура!
20 Прба тара-та-та-та-та!

21 Мэри на бок навязывала бант,
22 подводила черным глаз,
23 а – на арене – уже – джаз-банд
24 Рыжий заводит – разззз –

25 Ззззумбай квиль-миль –
26 толь-миль-надзе...
27 Зумбай кви!..
28 Зумбай ква!..

29 Ззззумбай квиль-миль
30 толь-миль-надзе...
31 Зумбай кви!..
32 Зумбай ква!..

33 Анэка-дэма...
34 Ашёр-вер-вумба...
35 Ашёр-вер
36 вер
37 вер
38 вер
39 вумба
40 вумба
41 вумба...

42 Зумбай квиль-миль –
43 толь-миль-надзе...
44 Зумбай кви!..
45 Зумбай ква!..

46 Вычищен в лоск,
47 становится конь,
48 Мэри хлыст
49 зажимает в ладонь.
50 – «Боб, винца!»

51 Белой перчаткой
52 откинут лоб.
53 Мэри вска-
54 кивает в седло:
55 Гоп, ца-ца!

56 Цца!
 57 По полю круглому! Гоп!
 58 Конь под подругами. Гоп!
 59 Плашмя на вытяжку! Гоп!
 60 Стойка на выдержку! Гоп!
 61 Публика в хлопанье. Гоп!
 62 Гонит галопом. Гоп!
 63 Мэри под крупом. Гоп!
 64 Мэри на крупе. Гоп!
 65 Сальто с седла.
 66 Раз – ап – два – гоп!
 67 Мэри в галоп...
 68 Публика вертится...
 69 Гоп...
 70 Гоп...
 71 Гоп...
 72 Екнуло сердце...
 73 Кровь...
 74 Стоп!..
 75 Крик –

 76 от галерки до плюшевых дамб,
 77 публика двинулась к выходам.

 78 Все по местам! Уселась опять.
 79 Вышел хозяин. Сказал: «Убрать!»

 80 Зумбай квиль-мил
 81 толь-мил-надзе...
 82 Зумбай кви!..
 83 Зумбай ква!..

1925

БОЛЬНИЧНОЕ

Мери! Мери! На странице –
 День и ночь – одно и то же,
 Только белая больница,
 На арену не похоже.

«Отчего меня попоной
 Лошадиною прикрыли?

Конь мой ходит, непреклонный.
Это ты, мой конь, не ты ли?..»

Доктор! Мери не игрушка.
Рану жаркую зашей ей!
«Ночью кажется подушка
Лошадиной белой шейей...

Конь!
Ты – недруг, ты – изменник.
Сколько лгал и лицемерил!..»
...Не прислал хозяин денег,
Не отвез в больницу Мери...

Конь стоял подобно грыже.
Рыжий был суров и бледен.
Мери свез в больницу рыжий,
К Мери шел, смотрел и бредил...

Если год казался бредом,
То сегодня –
видишь –
двери!
Я иду,
За мною следом,
Опершись, выходит Мери.

1925 <?>

Article metadata

Title: Semyon Kirsanov's poem «Mary-rider» (1925): the Name of Hero, the Plot and Zaum' (Nonsense)

Author: I. E. Loshchilov

Author's e-mail: loshch@yandex.ru

Author affiliation: Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the famous poem by Semyon Isaakovich Kirsanov (1906–1972) «Mary rider» (1925). A poem was written in the middle of the Soviet 1920-ies, exactly expresses the spirit of the first revolutionary decade. The era took a resolute policy of rapprochement with the art of cinema and a circus. The ancient art of the circus close to the primordial basics of life. It always felt fun, spirit of adventure and a real physical danger.

The article consists of three sections.

The first section describes sources of the poem. Given the system of four prepared by the author editions. The first two were published in 1920 year, the third and the fourth only in the 1960–1970-ies, after the catastrophic events of the mid-twentieth century. Contains information about the archival materials associated with the creative history of poems. Recreated the story of two recordings of the author's reading of the poem (they were made by S. I. Bernstein and A. A. Shilov).

The second section gives an overview of the responses belonging to the first generation of readers and listeners of the poem. Kirsanov was famous not only as a poet but also as a brilliant performer of his poems. The survey shows the rejection of a futuristic experiment official, and far from the authorities and official critics. Show and those cases where the critics and the audience expressed approval eccentric poetics of Kirsanov.

Third on behalf of the heroine and the plot of the poem: it tells about the death of a rider during the execution of the rooms of the circus program. In the history of Russian poetry of the name Mary is associated with two cases of its use in the poetry of A. S. Pushkin. In the XX century poetry and drama A. A. Blok with the name Mary contacted new meanings and values. After the publication of the poems of the Blok associated with the character named Mary, given motivic complex was repeatedly reproduced from poets, imitators. The name Mary and the image of the circus arena and closer to the poem Kirsanova (in the poetry of A. A. Venediktov, and A. E. Belinson). But only Kirsanov was able to associate with that image acutely dynamic and tragic story, embodied in the aesthetics of futurism and the literary group LEF.

The fourth section describes in detail the composition of the poem and the principles of the relationship between narrative and evocative (unintelligible) parts of the text. Onomatopoeia effectively simulates the sound of a circus band. Shows how consistently the story destroys the balance between narrative and evocative, and as he recovered in the final poem.

Key terms: Blok, zaum, Kirsanov, LEF, palindrome poetry, Pushkin, futurism, circus, eccentric.

Reference literature (in transliteration):

Anch. P. Nikolaj Aseev, Semen Kirsanov zavtra chitajut na utrennike «Smeny». In: *Smena [The Change]*. 1929, No. 39 (1447), 16 fevr., p. 3.

Aseev N. N. *Razgrimirovannaja krasavica. Putevye zapiski [Pass beautiful. Travel notes]*. M., Federacija, 1928. 227 p.

Belenson A. Cirk. In: *Vesennee kontragentstvo muz [Muse's Spring contrahendo]*. Sb. Pod red. D. Burljuka i S. Vermelja. M., Izdanie Studii D. Burljuka i Sam. Vermel', 1915, p. 85.

Belenson A. Bezumija: Tret'ja kniga stihov [*Madness: The Third book of poems*]. M., Tipografija «Iskra revoljucii», 1924, 61 p.

Blok A. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. [*Complete works and letters, 20 vol.*]. M.: Nauka, 1997–...

Burenina-Petrova O. D. *Cirk v prostranstve kul'tury* [*The circus in the space of culture*]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 426 p.

Vasilij Kamenskij: *Pojet. Aviator. Cirkach. Genij futurizma. Neopublikovanye teksty. Faksimile. Kommentarii i issledovanija* [*Vasily Kamensky, Poet. Aviator. Circus. The genius of futurism. Unpublished texts. Facsimile. Comments and research*]. Sost. i nauch. red. A. A. Rossomahina. SPb., Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017, 432 s.

Venediktov A. Mjери iz Vladivostoka. In: *Literaturnaja mysl': Al'manah* [*The Literary thought, Almanac*]. [Iss.] 2. Pg., Mysl', 1923, pp. 73–79.

Volchaneckaja E. D. (Rovinskaja E. D.). *Serebrjanyj lebed'* [*The Silver Swan*]. M.–Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923, 73 p.

Gasparov M. L. Pojetika «serebrjanogo veka». In: *Russkaja poezija «serebrjanogo veka», 1890–1917, Antologija* [*Russian poetry of the silver age, 1890–1917, The Anthology*], M., Nauka, 1993, pp. 5–44.

Gasparov M. L. Semen Kirsanov, znamenosec sovetskogo formalizma. In: Kirsanov S. I. *Stihotvorenija i pojemy* [*Verses and poems*]. SPb., Akademicheskij proekt, 2006 (Ser. «Novaja biblioteka pojeta»), pp. 5–18.

Gel'fandbejn G. [Rec. na:] S. Kirsanov. «Opyty». Kniga stihov, 129 str. GIZ, c. 1 r. 25 k.; M. Svetlov. «Nochnye vstrechi». «Molodaja gvardija», 62 str., c. 1 r. In: *Krasnoe slovo* [*The Red word*]. 1927, No. 2/3, pp. 180–181.

Grigor'ev V. P., Kolodjazhnaja L. I., Shestakova L. L. *Sobstvennoe imja v russkoj poezii XX veka. Slovar' lichnyh imen* [*The Personal name in Russian poetry of the twentieth century. Dictionary of personal names*]. M., Izdatel'skij centr Azbukovnik, 2005, 448 p.

Dovgij O. L., Kulagin A. V. Pushkinskoe stihotvorenje «Iz Barry Cornwall» i ego anglijskij istochnik. In: *Boldinskie chtenija* [*Symposium in Boldino*]. Gor'kij: Volgo-Vjatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985, pp. 144–154.

Evgenov E. [Rec. na:] Semen Kirsanov. «Opyty». Kniga stihov predvaritel'naja. 1925–26 g. GIZ. 1927 g. 129 str. 1 r. 25 k.. In: *Pravda* [*The True*]. 1927, No. 108 (364), 15 maja, p. 7.

Zhic F. [Rec. na:] Semen Kirsanov. – «Opyty» (stihi) GIZ, 132 str. In: *Vechernjaja Moskva* [*The Evening Moscow*]. 1927, No. 79, 8 apr., p. 3.

Zhurin V., Zalkind G., Rabinovich L. *Flejty oseni* [*The flutes of autumn*]. Kazan', Tipografija Ja. N. Podzemskogo, 1914, 83 p.

Zabolockij N. A. Jazyk Pushkina i sovetskaja poezija (Zametki pisatelja). In: *Izvestija* [*News*]. 1937, No. 22 (6184), 25 janv., p. 6.

Zenkevich M. A. [Rec. na:] Semen Kirsanov. Opyty. Kniga stihov predvaritel'naja. 1925–1926. Giz. – M.–L., 1927. Str. 129. Tir. 2000 jezk. C. 1 r. 25 k. In: *Pechat' i revoljucija* [*The Press and the Revolution*]. 1927, iss. 6, sent., pp. 218–219.

Katanjan V. A. *Raspechatannaja butylka* [The open bottle]. Nizhnij Novgorod: Dekom, 1999, 348 p.

Kirsanov S. I. Meri naezdnic (Otryvok iz pojemy). Sluchaj v cirke. In: *Al'manah «Krasnaja nov'»* [The Red Novelty, Almanac]. No. 2. M., L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, pp. 292–294.

Kirsanov S. I. *Opyty. Kniga stihov predvaritel'naja. 1925–1926* [Experiences. Preliminary book of poems. 1925–1926]. M., L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927, 128 p.

Kirsanov S. I. *Poslednij sovremennik* [The Last Contemporary]. M., Federacija, 1930, 96 p.

[Kirsanov S. I.] Semen Isaakovich Kirsanov chitaet 8 stihotvorenij [Semyon Kirsanov's recitations of 8 his verses]. *Zapis'* 18.12.1963. URL: <http://imwerden.de/publ-1974.html> (08.01.2017).

Kirsanov S. I. (a) Pojezija i palindromon. In: *Nauka i zhizn'* [The Science and The Life]. 1966, No. 7, pp. 75–77.

Kirsanov S. I. (b) Pojezija i cirk. In: *Sovetskaja jestrada i cirk* [Soviet Estrada and Circus]. 1966, No. 11, pp. 12–13.

Kirsanov S. I. *Iskanija: Stihotvorenija i pojemy. 1923–1965* [Searches. Verses and Poems. 1923–1965]. M., Hudozhestvennaja literatura, 1967, 240 p.

Kirsanov S. I. [Otvet na anketu «Kak jeto u nih bylo»]. In: *Junost'* [The Youth]. 1971, No. 1, p. 106.

Kirsanov S. I. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 4: Pojeticheskie poiski i proizvedenija poslednih let* [Works, 4 vol. Vol. 4, Poetry searches and poetry of the last years]. M., Hudozhestvennaja literatura, 1976, 405 p.

Kirsanov S. I. *Stihotvorenija i pojemy* [Verses and poems]. SPb., Akademicheskij proekt, 2006 (Ser. «Novaja biblioteka pojeta»), 800 p.

Krasil'nikov V. Devjat' knig stihov. In: *Na literaturnom postu* [The Literary Post]. 1927, No. 11–12, ijun', pp. 84–88.

Levin L. Pojeticheskoe zhonglerstvo: O novyh stihah S. Kirsanova. In: *Literaturnaja gazeta* [The Literary newspaper]. 1930, No. 39 (76), 4 sent., p. 4.

Levinton G. A. Zametki o fol'klorizme Bloka. In: *Mif – fol'klor – literature* [The Myth – The Folklore – The Literature]. L., Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1978, pp. 171–185.

Lihachev D. S. *Tekstologija: Na materiale russkoj literatury X–XVII vekov* [Textual criticism: On the material of Russian literature X–XVII centuries]. Izd. 2-e, pererab. i dop. L., Nauka; Leningradskoe otdelenie, 1983, 639 p.

Lunacharskaja-Rozenel' N. A. Lunacharskij i Majakovskij. In: *Majakovskij v vospominanijah sovremennikov* [Contemporaries Memoirs about Mayakovsky]. Vstupit. st. Z. S. Papernogo, sost. i primech. N. V. Reformatorskoj. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1963, pp. 455–483.

M. S. «Nadutaja pustota». In: *Na pod'jeme* [During the Ascent]. 1927, No. 7, Rostov-na-Donu, p. 42.

Malishevskij M. P. [Rec. na:] Semen Kirsanov. Tovarishh Marks. GIHL, 1933 g. S. 141. Cena 4 r. 50 k. Tir. 10.000. In: *Novyj mir [The New World]*. 1933, No. 9, pp. 250–252.

Marshak S. Ja., Lebedev V. V. *Cirk [The Circus]*, L., Raduga; 1-ja gos. litografija, 1925, 14 pp.

Majakovskij V. V. *Razgovor s fininspektorom o poezii [A conversation with the financial officer about poetry]*. Tiflis: Zakkniga, 1926. 16 s.

Messer R. Vecher «LEFA» (K vystupleniju N. Aseeva i S. Kirsanova). In: *Zhizn' iskusstva [The Life of Art]*. 1929, No. 9, p. 13.

Mineralov Ju. I. *Pojezija, pojetika, pojet [The Poetry, the Poetics and the the Poet]*. M.: Sovetskij pisatel', 1984, 208 p.

Minc Z. G. Blok i Pushkin. In: Minc Z. G. *Aleksandr Blok i russkij simbolizm: Izbrannye Trudy [Alexander Blok and Russian Symbolism, Selected works]*: In 3 vol. Vol. 2: Aleksandr Blok i russkie pisateli. SPb., «Iskusstvo-SPb», 2000, pp. 145–260.

Mironova M. V., Menaker A. S. *V svoem repertuare [In own repertoire]*. M., Iskusstvo, 1984, 309 pp.

Oksenov I. [Rec. na:] Semen Kirsanov. Opyty. Kniga stihov predvaritel'naja. Gos. Izdat. 1927. Str. 132. In: *Zvezda [The Star]*. 1927, No. 6, p. 158–159.

P. Kr. Vecher parodij. In: *Vechernjaja Moskva [The Evening Moscow]*. 1926, No. 239, 16 okt., p. 4.

P-aja N. [Rec. na:] Al'manah «Krasnaja Nov'», No. 2. Gosizdat. 1925. Str. 373. Cena 1 r. 74 k. In: *Pravda [The True]*. 1926, No. 25 (3254), 31 janv., p. 7.

Pervyj vsesojuznyj sjezd sovetskih pisatelej. 1934: Stenograficheskiy otchet [The First All-Union Congress of Soviet writers. 1934: Transcript]. M., Goslitizdat, 1934, 718 p.

Pojezija 1920-h godov [Poetry of the 1920-ies]. Sost., predisl. i komment. N. A. Bogomolova. M., Slovo/Slovo, 2008 (Ser. «Biblioteka russkoj klassiki»), 728 p.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t. [Complete works, 10 vol.]*. L., Nauka. Leningradskoe otdelennje, 1977–1979.

Rahmanov L. N. *Chet-nechet: Povesti. Rasskazy. P'esy. Vospominanija. Listki kalendarja [Even-odd. Novels. Stories. Play. Memories. The sheets of the calendar]*. L., Sovetskij pisatel'. Leningr. otdelenie, 1988, 702 p.

Rik. Semen Kirsanov. «Opyty». In: *Vechernie izvestija (Odessa) [Evening news, Odessa]*. 1927, No. 1208, 9 apr., p. 2.

Rožanov I. N. *Sovremennye liriki. VI: Lefovcy: Kamenskij, Kirsanov. In: Rodnoj jazyk v shkole: Nauchno-pedagogičeskie sborniki [Native language at school, Teaching and research collections]*. Iss. 6. M., Rabotnik prosvěshhenija, 1927, pp. 116–126.

Rožanov I. N. *Russkie liriki: Očerki [Russian lyrical poets, Essays]*. M.: Nikitinskie subbotniki, 1929, 212 p.

Roman R. [Rec. na:] Semen Kirsanov. «Opyty». Stihi. GIZ. Tir. 2000. Cena 1 r. 25 k. In: *Molodaja gvardija [The Young Guard]*. 1927, No. 6, pp. 187–188.

Sinel'nikov I. M. «Jeto bylo, bylo, bylo...»: *Kniga vospominanij* [«All that was, was, was...» *The Book of memories*]. M., Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2014, 176 p.

Smirnov I. P. *Smysl kak takovoj [The Meaning as such]*. SPb., Akademicheskij proekt, 2001, 342 p.

Sproge L. V. Recepcija pushkinskih obrazov i sjuzhetov v lirike A. Bloka (cikl «Mjeri»). In: *Problemy pushkinovedenija: Sb. nauchn. trudov [Problems of the studies in Pushkin, the Collection of scientific papers]*. Riga: Latvijskij gosudarstvennyj universitet im. P. Stuchki, 1983, pp. 102–114.

Tarasenkov A. K. Opasnosti na putjah pojeta: [Rec. na:] Kirsanov S. Poslednij sovremennik. Izd. «Federacija». M. 1930. Tirazh 3000. Str. 95. Cena 1 rub. 10 kop. In: *Kniga i revoljucija [The Book and the Revolution]*. 1930, No. 19, pp. 10–11.

Ulickaja M. Muzykal'nyj cirkach. In: *Cirk i estrada [Circus and Estrada]*, 1928, No. 8 (40), maj, p. 1.

Urazov I. A. *Cvetnye stekla: Stihi [The colored glass Poems]*. Pg.: L'oiseau bleu, 1917, 22 p.

Frezinskij B. Ja. Za kulisami triumfa (Sovetskie pisateli v Evrope 1936 goda). In: Frezinskij B. Ja. *Pisateli i sovetskie vozhdj: Izbrannye sjuzhety 1919–1960 godov [The Writers and the Soviet Leaders, Selected stories of 1919–1960 years]*. M., Jellis Lak, 2008, pp. 476–505.

Fridman N. V. Pesnja Mjeri. In: *Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka [Proceedings of the USSR Academy of Sciences, Series of Literature and Language]*. Vol. 33, Iss. 3. M., Izdatel'stvo AN SSSR, 1974, pp. 242–253.

Kharms D. I. *Poln. sobr. soch. Zapisnye knizhki. Dnevnik: V 2 kn. Kn. 1 [Complete works, Notebook, Diary, in 2 v. Vol. 1]*. SPb.: Akademicheskij proekt, 2002, 480 pp.

Khlebnikov V. V. *Tvorenija [Creations]*. Obshh. red. i vstup. st. M. Ja. Poljakova; Sost., podgot. teksta i komment. V. P. Grigor'eva i A. E. Parnisa. M.: Sovetskij pisatel', 1986, 734 pp.

Shilov L. A. *Golosa, zazvuchavshie vnov': Zapiski zvukoarhivista-shestidesjatnika [The voice sounds again, Memoirs of an archivist of sound of 1960-ies]*. M., Al'daon; Rusaki, 2004, 368 pp.

Javorskaja A. L. Rukopisi Semena Kirsanova v fondah Odesskogo Literaturnogo muzeja. In: *Dom knjazja Gagarina: Sb. nauchnyh statej i publikacij [The House of Prince Gagarin, Collection of scientific articles and publications]*, Iss. 4, Odessa, Morjak, 2007, pp. 141–188.

Jakovlev B. V. Pojet dlja jestetov (Zametki o Velimire Hlebnikove i formalizme v poeziji). In: *Novyj mir [The New World]*. 1948, No. 5, pp. 207–231.